DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-76-80

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОНЯТИЯ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: КЛАССИЧЕСКОЕ И НЕКЛАССИЧЕСКОЕ

Ф.Е. Ажимов

В статье анализируется связь феноменов рациональности, метафизики, онтологии, классического и неклассического в современной исследовательской литературе. Автор приходит к выводу, что, несмотря на устойчивое деление научного знания на естественное и гуманитарное, неизбежно встает вопрос о необходимости конструирования онтологии единого научного знания.

Ключевые слова: метафизика, онтология, гуманитарное познание, рациональность.

THE METAPHYSICAL CONTEXT OF THE CONCEPT OF SCIENTIFIC RATIONALITY: CLASSICS AND NON-CLASSICS

F.E. Azhimov

The article analyzes the relationship of the phenomena of rationality, metaphysics, ontology, classics and non-classics in modern research literature. The author comes to the conclusion that despite the steady division of scientific knowledge into natural and humanities, the question inevitably arises of the need to construct ontology of unified scientific knowledge.

Key words: metaphysics, ontology, humanitarian knowledge, rationality.

Современную культурную ситуацию принято определять как неклассическую. Понятие «неклассическое» черпает свое содержание из противопоставления характеристикам, определяющим понятие «классическое». Современное отождествляется с неклассическим и на первый взгляд резко противопоставляется классическому. Перечисляя термины, обозначающие существенные признаки классического стиля мышления, обычно приводят их антонимы, которые автоматически являются характеристиками неклассического. Далеко немаловажное место в этом соотношении имеет указанное слово «стиль», каковое и дает основание считать то или иное явление классическим или нет. Неклассическое (как и классическое) определяется своим стилем [9: с. 5], поэтому, сглаживая разницу между терминами, уже можно сказать, что они повествуют об одних и тех же явлениях.

Например, классический стиль в философии определяется «претензией» философа на систематичность, целостность, завершенность, монистичность, рациональность [13: с. 30]. Недостаток приведенных характеристик классики становится очевидным после их критики неклассическими философами. Следовательно, их соотношение друг с другом является единственной возможностью для осмысления не только сущности, но и значения этих двух феноменов-моделей (классического и неклассического) [13: с. 30]. Неклассический стиль более гибок, его нормы посто-

янно меняются [11: с. 110], он позволяет описывать реальность наиболее адекватно, в то время как основное противоречие классики заключается в том, что дух и действительность пребывают в разорванности [13: с. 51–52]. В классических когнитивных схемах, полагает Л.А. Микешина, сознание субъекта оторвано от мира, от реальности, поэтому классическую теорию познания смело можно назвать «виртуальной» [16: с. 22–39].

Схематизм и отчасти неповоротливость классического мышления становятся отправным пунктом и стимулом поиска иных путей познания. Самой выпуклой проблемой в контексте проведения разыскания новых схем познания в настоящее время стало понятие рационального.

Во многих работах, посвященных проблемам рациональности, подчеркивается, что рациональность является междисциплинарной проблемой, поскольку рациональное есть, во-первых, выражение теоретического и систематического. И, во-вторых, будучи такой проблемой, рациональное в настоящее время не только не противостоит иррациональному, но неизбежно включает его в себя как свою составную часть. В современных философских парадигмах происходит «рационализация иррационального и внерационального» [2: с. 49]. Рациональное объемлет не-рациональное и является предельно широким понятием, в которое входит все охватываемое разумом и мышлением [5: с. 209–224].

Ажимов Феликс Евгеньевич – доктор философских наук, директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Azhimov Felix Evgenievich – Doctor of Philosophy, Professor, Director of the School of Arts and Humanities at the Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: azhimov.fe@dvfu.ru

© Ажимов Ф.Е., 2020

Но можно ли тогда сказать, что квинтэссенцией рационального будет научное знание? Или современная наука определенным образом синтезирует рациональное и иррациональное?

Для современных ученых, философов науки и методологов очевидно, что понятие научной рациональности является более широким, чем понятие науки, хотя, несомненно, они связаны между собой. Так, широко известная классификация типов рациональности В.С. Степина предполагает [23: с. 633–634]:

- классический тип, рассматривающий только объект познания, исключая все, что относится к субъекту;

- неклассический тип, обращающий внимание помимо объекта исследования на средства познания и учитывающий их связь;

- постнеклассический тип, не только включающий в себя характеристики первых двух, но и расширяющий «поле рефлексии над деятельностью», соотносит знания и средства его получения с целями и ценностями этого знания.

Вместе с тем необходимо отметить, что указанные типы рациональности не уничтожают и не отменяют один другого, но лишь ограничивают и оставляют их применимыми только локально, но не всеобщо [23: с. 635]. Более того, П.П. Гайденко подчеркивает, что научную рациональность всегда дополнял «философский разум», снимая с нее ограниченность [4: с. 26], наукой никогда не исчерпывалось познание мира [23: с. 42], и сама наука всегда выходила за рамки практики [23: с. 703]. К тому же классическое понятие научной рациональности окончательно сложилось в естествознании XVII–XVIII вв. и стало возможным лишь благодаря тому, что само естествознание в ходе своего развития было связано с метафизикой, ведь только последняя являла собой науку о конечных причинах и целях [4: с. 15]. Рациональность же вообще, т.е. не только научная, связана с метафизическими и онтологическими категориями, зародившимися еще в греческой философии [21: с. 21–39]. Можно сказать, что именно поэтому, как показывает история научных открытий, наука стремится к трансценденции и преодолению своих границ посредством либо творчества, либо эвристики. Несомненно, это говорит о взаимовлиянии метафизики и науки как сферы рационального [8; 24]. Французский философ науки Г. Башляр вообще считает, что рационализм вместе с реализмом являются двумя неотъемлемыми «метафизиками», на которые опирается научный разум [2: с. 28]. Вместе с тем, очевидно, что современная идея рациональности позволяет связать абстрактные метафизические понятия, выхолощенные научные концепции с человеческим существованием, с пониманием человека как целостного существа: и ученого, и философа, и художника.

Так есть ли рациональность производная от философии вообще и метафизики в частности?

Так или иначе, но важным остается то, что метафизика обладает схожими характеристиками с понятием рационального, во-первых, и понятием классического, во-вторых. Она тоже представляет собой интенцию на систематичность и целостность, однако метафизика всегда дополнялась и критиковалась, «всегда была под вопросом» [14: с. 80], что лишний раз подчеркивает «взаимораскрытие» классического и современного (неклассического). Благодаря предмету метафизики, ее предельности, все указанные проблемы соотношения «классического и неклассического», «рационального и нерационального» обретают более отчетливую форму.

Не являясь, таким образом, уже ставшей наукой в полном смысле этого слова, метафизика в условиях современности имеет отношение к рациональному и вне-рациональному, связывает их и продолжает оставаться залогом междисциплинарности научного знания. А это, в силу особой роли, отводимой рациональному в свете современной культуры обязывает метафизику к интегративной функции [18]. Но, с другой стороны, сама наука и философия вообще, разрабатывая и шлифуя свою терминологию, свой язык [12], приходят к метафизике. Так, применяя понятия «мироустройство», «миропорядок», «мир», «природа», «картина мира» и др., мы неизбежно приходим к универсальности и всеобщности, за коими стоит метафизика.

Понятие или, как говорят Ж. Делёз и Ф. Гваттари [6: с. 10], концепт, метафизично в принципе, ибо отсылает к проблеме, к ее целому, к ее историческому, событийному, культурному фону. Философия есть процесс постоянного творения новых концептов. Благодаря этому она, в отличие от науки, постигает бесконечное и тем самым упирается в метафизику, создавая некий порядок, защищающий мышление философа и ученого от хаоса бесконечного. Но в этом случае речь идет о классической эпохе. В неклассической метафизике, например у тех же Ж. Делёза и Ф. Гваттари, концепт изображается более корректно посредством того, что он не мыслится без своего создателя. «Авторизированность» концепта вносит субъекта в метафизическую, пусть даже исключительно историко-философскую культуру не просто как пассивное начало, но вписывает его в общий контекст эпохи. Классическое восприятие метафизики как системы логических категорий, господствовавшее со времен Аристотеля, смещается в сторону понимания ее как «ансамбля» или «хоровода» различных философских концепций и направлений. Но при всем этом задачи метафизики остаются вполне научными: интеграция знания, получение трансцендентального знания, эвристика и т.д.

Если наличие метафизики в естествознании, построение онтологий конкретных наук о природе в настоящее время признается современными методологами, то насколько указанные метафизические характеристики и задачи свойственны социально-гуманитарному знанию? Сомнение в трансцендентальной составляющей гуманитарного познания лишает его научного статуса. Л.А. Микешина в этой связи уверенно выдвигает тезис об аподиктичности такого рода знаний: «...в действительности идеалы трансцендентальной философии, включающие объективность, всеобщность, необходимость, присутствуют» [15: с. 841] и в гуманитарном познании, но только в особенной форме по сравнению с естествознанием. Это достигается благодаря особому анализу структур языка, коммуникаций, интерсубъективности, феномена ценности [17] и т.д. В результате гуманитарные науки могут предстать как завершенное, целостное знание, которое, однако, остается всегда открытым к различным дополнениям со стороны других «авторов».

Именно в социально-гуманитарном познании наиболее остро стоит, как говорит Н.С. Автономова, «парадоксально» двусмысленная цель: «рационально прояснить непроясняемое» [1: с. 121]. В своем историческом развитии, т.е. в процессе становления и обретения своего парадигмального статуса, гуманитарные науки, полагает исследователь, проходят несколько этапов, связанных с трактовкой феномена языка. Речь в данном случае идет о символе и символическом как об особом рода запредельном, но в то же время всегда присутствующем здесь и сейчас. Развитие символической составляющей в гуманитарном познании предстает как смена следующих этапов: «символ» как таковой, «символические формы», «символические системы» и «символический порядок».

«Символ» – это пример, если сослаться на Канта (как это и делает Н.С. Автономова), из сферы разума, который, как известно, не имеет никаких корреляций ни в эмпирическом опыте, ни в сфере рассудочно познаваемого. Следующий этап – «символические формы», формулировка которого принадлежит Э. Кассиреру. Согласно неокантианскому подходу творение символов выступает как главная функция человеческого разума [1: с. 124]. Символ в некотором смысле отождествляется с понятием и выступает как синтез культурно-духовной деятельности (мифология, сам язык, искусство, наука, религия и пр.). Символы существуют не как альтернатива рационального познания и не в качестве итога разумного опыта, но являются собой дологические структуры сознания и познания. Закономерным развитием второго этапа стал третий («символические системы»), связанный с творчеством К. Леви-Стросса [1: с. 125], в котором на первое место выходят отношения между симво-

лическими системами-институтами социально-гуманитарной сферы: религией, искусством, браком и т.д. Причем все системы центрируются вокруг главной искусственной системы – языка, которому все в культурном мире соответствует. Итогом развития этой структуралистской концепции стал четвертый этап «символического порядка», приписываемый Ж. Лакану [1: с. 127]. Согласно этой стадии объяснения человек, овладевая языком, внедряется в существующую сферу символического порядка, в рамках которого усваивает правила поведения, механизмы действия и поступков, носящих во многом бессознательный характер.

Благодаря историко-философскому анализу развития определенного аспекта гуманитарной сферы, проведенному Н.С. Автономовой, становится очевидным тот факт, что метафизический (в смысле «запредельный») характер гуманитаристики связан и с ее стремлением объяснить, подобно точной науке, культурные феномены (существующие не только как элементы окружающей объективной действительности), и с тем, что в социально-гуманитарном познании присутствуют одновременно рациональные и нерациональные аспекты.

Представители естествознания, ученые-практики редко задумываются не только о языке, но и о методе своих исследований. Отечественный исследователь Б.И. Пружинин полагает, что методология сама по себе уже является гуманитарным исследованием, оставаясь при этом атрибутивной чертой строгой науки [20: с. 12–14]. О гуманитарной ориентации методологии свидетельствуют интерпретативная работа, логический анализ, работа с концептуальным и терминологическим языком и т.д. Действительно, сложно оспорить тот факт, что языковая проблема, вопрос о формулировках – удачных или неудачных – стоит очень остро именно в гуманитарных науках, в то время как в науках о природе используется единый терминологический язык. Но значит ли это, что гуманитарное знание в этом аспекте резко противостоит естествознанию? Можно ли различать методы естественно-научные и гуманитарные?

Методологические установки, безусловно, имеют определенные отличия, их можно даже противопоставлять друг другу, как это и делала уже почти двухвековая философско-методологическая традиция, идущая от неокантианцев и позитивистов. На мой взгляд, в настоящее время проблема методологии должна быть представлена в ракурсе, позволяющем говорить о единстве научного знания. В этой связи представляется очень аргументированной позиция Б.И. Пружинина: тандем гуманитарных и естественных наук становится возможным благодаря методу [19: с. 130]. (Не определенному методу, но методологии как таковой, рассмотрению вопроса о способе исследования.) Вы-

ясняя методологические особенности гуманитарного познания, ученый тем самым уточняет сферу методологии естествознания, и наоборот. Это означает, что все методологические разработки по большому счету являются интегрирующими. Какой-либо конкретный метод не может принадлежать исключительно одной науке, как минимум, он обособляет целый ряд дисциплин, однако это обособление снимается методами иного уровня, интегрирующими и синтезирующими научное знание. Так, синергетика, возникнув в рамках естествознания, в настоящее время распространяется в виде синергетической парадигмы, стирающей какие бы то ни было различия между науками.

Поэтому об уникальности методологии естествознания и гуманитаристики можно говорить лишь как о первом институциональном шаге на пути неизбежной универсализации науки.

Например, русский философ Г.Г. Шпет в качестве методологического основания гуманитарных дисциплин полагал логическую науку [25], так как с помощью логики, мыслил Шпет, можно судить не о степени «общности» категорий гуманитарного знания, а о способе их образования [26], в чем, надо признать, и заключается одна из особенностей методологии социально-гуманитарного познания. Озабоченность способом образования понятий обусловлена тем, что представитель гуманитарных наук стремится постичь исследуемый предмет в целостности, в контексте. Если для естествознания позволительно делить целое на части, изучать только лишь какую-то одну составную часть, реализуя тем самым второе правило метода Декарта, то гуманитарная реальность устроена таким образом, что вычлененные объекты уже не существуют в качестве составляющей изучаемого предмета. Но вместе с тем необходимо отметить, что и для естествознания в настоящее время указанный контекст важен не в меньшей степени, о чем свидетельствует осознание современными учеными и методологами необходимости построения региональных онтологий конкретных наук. В науке наших дней онтологизируется и сама реальность (природа), и искусственные теоретические конструкты до такой степени, что разница между ними стирается [22: с. 63].

Развитие научного знания носит диалектический характер: «... интеграция наук ... реализуется все больше через дальнейшую их дифференциацию» [7: с. 256]. Слова академика Б.М. Кедрова, написанные около сорока лет назад, не потеряли своей актуальности и по сей день. Это объясняется, прежде всего, тем, что дифференциация наук как аналитическая деятельность научного разума всегда нуждается в восстановлении раздробленного предмета исследования. В истории науки это единство осуществлялось посредством логических

формулировок законов развития природы и общества, создания теорий и т.д.

Синтез естествознания и гуманитарной науки – это полная погруженность первого и второго в единую историко-культурную среду. Только в ней может функционировать фундаментальная наука как институт, существующий в режиме «преемственности в развитии знания» [19: с. 205]. Прикладная деятельность, лишенная какой бы то ни было преемственности и ориентированная на сиюминутное обеспечение тех или иных потребностей и запросов общества, в этом смысле вообще не может быть названа научной. Следовательно, изоляция научного знания может означать только одно – скорейшее уничтожение обособленной науки и как социального института, и как сферы творческой деятельности человеческого духа. Естественные науки не в состоянии реализовать многие свои функции без взаимосвязи с гуманитарными, поэтому в настоящее время остро встает вопрос об их синтезе [3: с. 249].

Тем не менее в научной литературе позиция, согласно которой гуманитарные науки не только невозможно свести к естественным, и, таким образом, в научном знании существует изначальный раскол, но и сложно говорить о научном статусе наук об обществе, человеке, культуре, довольно распространена. Академик В.А. Лекторский систематизирует основные тезисы представителей приведенной точки зрения в пяти пунктах, критически разбирая каждый из них. Приведем эту критику по его статье, опубликованной в журнале «Вопросы философии» [10: с. 699–703].

1. Формулировка первого утверждения, устанавливающего зазор между двумя группами наук, принадлежит Г. Риккерт и может быть выражена следующим образом: естествознание имеет дело с «общими зависимостями», в то время как гуманитарное знание есть знание локальных явлений. В ответ на это замечание смело можно выдвинуть упрек сторонникам приведенной позиции неокантианцев, так как локальное событие не может быть рассмотрено без общих понятий. Объясняя отдельное событие, гуманитарий использует общие методы математики, социологии, экономики, экологии и т.д.

2. Второй тезис не менее известен. Речь идет о том, что науки о природе объясняют, а науки о человеке интерпретируют, т.е. специфика социальных и гуманитарных наук обусловлена наличием в социально-гуманитарном познании интерпретативного элемента, привнесенного герменевтикой. Однако в современной логике и философии, например аналитической, является уже доказанным тот факт, что понимание и объяснение взаимосвязаны теснейшим образом и часто переходят друг в друга.

3. Третье положение, обособляющее гуманитаристику от строгой науки, основано на утвержде-

нии, что естествознание способно делать прогнозы относительно развития тех или иных явлений, в то время как гуманитарные науки «обеспечивают понимание». Возражая на это замечание, необходимо сослаться на бурно развивающуюся и завоевывающую в наши дни все больше признания синергетическую науку, которая свидетельствует о том, что в сложных системах предсказать будущее невозможно. Более того, синергетика, как мы уже отмечали выше, в настоящее время уже довольно продуктивно внедрена в исследования социальных процессов.

4. Следующее замечание относится к форме существования научного знания и заключается оно в том, что науки о природе функционируют, создавая теории, а гуманитарное знание не в состоянии сформулировать теорию и иного рода обобщения. Но вместе с тем нельзя отрицать, что, объясняя ту или иную социальную структуру, исследователь вынужден заниматься анализом с целью нахождения определенных закономерностей, которые, однако, носят локальный характер. Но с другой стороны, и универсальные законы в естествознании в настоящее время могут быть рассмотрены как исторические.

5. Последний упрек гуманитарному знанию заключается в его субъективности. Естествознание, согласно этому взгляду, может претендовать на объективность, в то время как гуманитарные науки сами порождают свой объект. Возражая на этот на первый взгляд довольно сильный аргумент, можно сослаться на известный факт использования ученым, исследующим объективную реальность, «искусственных приспособлений». Кроме того, теоретические разработки постпозитивистов выявили, что развитие естествознания есть конфликтное взаимодействие различных научных школ и традиций. В этой связи можно еще указать и на те серьезные изменения, которые происходят в социально-гуманитарном познании в ходе отказа от субъект-объектной парадигмы.

Таким образом, в настоящее время можно уверенно говорить о необходимости создания не только онтологии гуманитарного и социального знания, но и, более смело, об онтологии единого научного знания с целью выявления его метафизических и культурных оснований и предпосылок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова, Н.С. Символ, язык и проблема объективации в гуманитарном познании / Н.С. Автономова // Познание, понимание, конструирование. – Москва : ИФ РАН, 2008.
2. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – Москва : Прогресс, 1987.
3. Вострикова, Е.В. Новые книги по эпистемологии на французском языке / Е.В. Вострикова // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. VII, №1.
4. Гайдено, П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П. Гайдено. – Москва : Прогресс-традиция, 2003.
5. Гуревич, П.С. Поиск новой рациональности / П.С. Гуревич // Рациональность как предмет философского исследования. – Москва : ИФ РАН, 1995. – С. 209–224.
6. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998.
7. Кедров, Б.М. О синтезе наук / Б.М. Кедров // Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет. – Москва : Вече, 2008.
8. Койре, А. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. Койре // Койре А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий). – Москва : Эдиториал УРСС, 2003. – С. 12–26.
9. Кузнецов, Б.Г. Разум и бытие. Этюды о классическом рационализме и неклассической науке / Б.Г. Кузнецов. – Москва : Наука, 1972.
10. Лекторский, В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? / В.А. Лекторский // Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет. – Москва : Вече, 2008. – С. 699–703.
11. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001.
12. Максапетян, А.Г. Язык и метафизика / А.Г. Максапетян. – Ереван, 2001.
13. Мамардашвили, М.К. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии / М.К. Мамардашвили, Э.В. Соловьев, В.С. Швырев // Философия в современном мире. Философия и наука. – Москва : Наука, 1972.
14. Марков, Б.В. Знаки бытия / Б.В. Марков. – Санкт-Петербург : Наука, 2001.
15. Микешина, Л.А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания / Л.А. Микешина // Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет. – Москва : Вече, 2008.
16. Микешина, Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания / Л.А. Микешина. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.
17. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – Москва : РОССПЭН, 2007.
18. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000.
19. Пружинин, Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии / Б.И. Пружинин. – Москва : РОССПЭН, 2009.
20. Пружинин, Б.И. Методологическое исследование науки: историко-типологический очерк / Б.И. Пружинин // Философия науки. Методология и история конкретных наук. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007.
21. Рутманис, К.В. Генезис идеи рациональности в философии / К.В. Рутманис // Рациональность как предмет философского исследования. – Москва : ИФ РАН, 1995. – С. 21–39.
22. Степин, В.С. Конструктивизм и проблема научных онтологий / В.С. Степин // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.
23. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000.
24. Хюбнер, К. Рефлексия и саморефлексия метафизики / К. Хюбнер // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 165–171.
25. Шпет, Г.Г. Логика. В 2 ч. / Г.Г. Шпет. – Москва, 1912.
26. Щедрина, Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета / Т.Г. Щедрина. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004.